

ется с консерватизмом (феномен либерально-консервативного синтеза) для противостояния социализму и коммунизму (115). Либеральная концепция демократии — важнейший теоретический вклад в конструирование современного общества. Она противостоит тоталитарным и коллективистским трактовкам демократии как механической совокупности мнений большинства — метафизической воли народа, выдвигая идеал свободы личности. Именно эта идея лежит в основе современной плюралистической демократии, конституционализма и доктрины прав человека. В целом — это идеология, наиболее перспективная для всякой мыслящей и творческой личности.

4.

СОЦИАЛИЗМ, КОММУНИЗМ И АНАРХИЗМ: РАЗРУШЕНИЕ ПРАВА ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

Третьей крупнейшей идеологией, формировавшейся под влиянием революции, стал социализм (и коммунизм). Данная идеология является, несомненно, самой утопической из всех, поскольку выдвигаемый ею идеал общественного устройства никогда не получал адекватной реализации. Если другие основные идеологии (как либерализм, консерватизм, национализм) могут ссылаться на реальные политические системы, воплотившие их теоретические модели, то коммунистическая идеология вынуждена работать с чисто умозрительными конструкциями. Поэтому для ее интерпретации особенно важно определение ключевых понятий, разделение научных гипотез и идеологических постулатов движения, различных модификаций данной идеологии в истории, а также ее социальных функций, которые могут быть диаметрально противоположными. Она может служить для революционного ниспровержения государства или, напротив, для легитимации существующего политического режима. Прежде всего, всегда существовала значительная неопределенность в выяснении соотношения таких понятий, как коммунизм и социализм, которые не получили строгого научного определения, а потому рассматривались как тождественные, различные и даже противопоставлялись. Проблема заключается в том, что в момент их создания данные понятия выражали несуществующую социальную реальность, а потому последующие попытки их реализации на практике всегда приводили к теоретическим затруднениям. Основоположники «научного коммуниз-

ма» сознательно избегали четких определений коммунизма и не имели представления о стратегии его построения. Маркс ограничился чрезвычайно общими декларациями в «Критике Готской программы» и отвергал стремления адептов разработать конкретный проект коммунистического общества, считая это уделом утопистов (116). Ленин, начиная революцию, признавал в 1918 г.: «Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, — мы этого не знаем, это сказать не можем» (117). Таким образом, идеологи коммунизма предусмотрительно избегали определений, предоставляя судить о коммунизме и социализме счастливым грядущим поколениям.

Коммунизм в принципе — это теория или система социальной организации, основанная на общем владении собственностью (от лат. *communis* — общий). Однако всегда оставалось неясным, кто и каким образом будет управлять этой собственностью в условиях проектируемого отмирания государства и бюрократии. Социализм — теория или метод социальной организации и управления, где граждане совместно владеют средствами производства и распределения, а власть административного контроля воплощена в государстве. К.Маркс и Ф.Энгельс предложили синтез этих двух понятий в виде учения о двух фазах построения коммунизма. В этой концепции коммунизм выступает как завершение социализма, а последний — как завершение переходного периода диктатуры. Оба понятия (коммунизм и социализм) используются в современной литературе для обозначения экономической теории или социальной системы, отличительной особенностью которой является контроль государства (и бюрократии) над средствами производства, распределением и потреблением продукции. Данной системой являлся так называемый «реальный социализм» — результат практической реализации марксистской идеологии, впервые имевший место в Советском Союзе. Ход и результаты этого эксперимента также не способствовали конкретизации идеологических символов веры коммунизма (118).

В современной литературе показано, что социализм (и коммунизм) как идеология нового времени получил свой начальный импульс из традиционалистски мотивированного социального протеста против революционизирования аграрных отношений. Решающую роль сыграли огораживания — приватизация земель, ранее находив-

шихся в общинной собственности, сопровождавшаяся сгоном населения с земли и созданием огромной резервной армии труда для промышленности. В этом социальном процессе коренился источник социального конфликта и питательная среда различных коммунистических утопий. Большинство их едино в требовании отмены приватизации земли, создания латифундий и выражает идею естественного права всех людей на землю. Этим объясняется тот факт, что коммунистическая доктрина имплицитно вобрала в себя идеи естественного изобилия, веры в золотой век, якобы предшествовавший цивилизации, коллективной собственности и уравнительного распределения, присущие традиционалистскому крестьянскому сознанию всех стран. Коммунизм многое взял из утопии Т.Мора и из философии Руссо — веру в гармонию естественного состояния, негативное отношение к частной собственности и гражданскому обществу нового времени, представление о том, что спонтанное революционное разрушение этого общества будет вполне достаточным для восстановления в новых исторических условиях утраченной социальной гармонии. Поэтому в триаде лозунгов французской революции коммунизм подчеркивает именно равенство, во имя которого можно пожертвовать индивидуальной свободой. Причем это равенство интерпретируется коммунизмом как фактическое, а не формальное равенство перед законом, как его понимали либералы. Отсюда критика коммунизмом «формально-правового» понимания равенства в противоположность фактическому, реальному и материальному.

Три главных мотива марксизма — романтизм, с его критикой капитализма; прометеевско-фаустовский настрой; просветительский, детерминистский, рационалистический мотив (представление о законах развития общества) — делали его эмоциональное воздействие чрезвычайно убедительным, что важно для превращения всякой теории в идеологию. Основные понятия марксизма — коммунизм, классовая борьба, пролетариат — носят метафизический характер и доступны совершенно различным интерпретациям.

Марксизм соединял в себе научную теорию и идеологию: собственно говоря, это была первая идеология, претендовавшая на радикальное преобразование мира на основе научной теории. Марксизм подчеркивал свой «научный» характер и противопоставлял научную идеологию всем предшествующим, которые объявлялись ненаучными.

Как научная теория марксизм действительно выявил ряд важных тенденций и факторов современного ему общества — взаимосвязь между технологическими сдвигами и культурой, концентрация и централизация средств производства в руках частных собственников, объективный характер индустриализации, подъем крупного бизнеса, обострение социальных конфликтов. В этом смысле научная концепция Маркса может быть сопоставлена с рядом других крупных эволюционистских систем XIX в. — позитивизмом О.Конта и социологией Г.Спенсера (119). Однако параллели марксизма с позитивизмом выявляют и их принципиальные различия: позитивистская идеология не имела четкого социального адресата или имела ограниченный адресат (технократов). Это особенно определенно выявилось в ходе российских споров о природе новой науки — социологии, которая отвергалась именно потому, что стремилась быть ценностно нейтральной (конфликт В.И. Ленина и П.А. Сорокина) (120).

Тот факт, что марксистская концепция общественного переустройства оказывается между наукой и идеологией, обусловил как ее сильные, так и слабые черты. С одной стороны, марксизм оперирует вполне рациональной научной терминологией, с другой — пользуется метафизическими конструкциями и выводами, трудно поддающимися эмпирической проверке. Марксизм — не политическая философия в традиционном аристотелевском смысле. Это не размышления о принципах и институтах некоторого хорошего политического порядка, но критическая теория общества для осуществления революционных действий с целью упразднить саму политику. Суть марксизма — рассмотрение политики в рамках всеохватывающей теории общества, основанной на экономике. Политика рассматривается в перспективе социального конфликта, организации власти, борьбы за власть или в таких понятиях, как класс, государство и революция. Самостоятельная и сильная государственная власть — абсолютизм, бонапартизм и фашизм — рассматривается как результат межклассового лавирования (121). Либеральные критики марксизма, прежде всего Б.Кроче, М.Вебер, Й.Шумпетер, показали неадекватность его концепции социальных классов и классовых конфликтов современным социологическим представлениям. В то же время Шумпетер признавал Маркса «основателем политической науки нового времени» (122). Сходная критика марксизма дана Х.Арендт, подчеркивавшей внутрен-

нее противоречие в нем между наукой и утопией. Поэтому, полагала она, марксизм не может ответить на простые вопросы: что, например, будет с функцией индивидуального труда после достижения «царства свободы»; или с государственной функцией насилия после упразднения государства; наконец, если истинная философия марксизма будет в конце концов реализована, то как будет развиваться мысль? Эти вопросы становятся возможными именно потому, что для Маркса, как и других идеологов, было характерно стремление осмыслить новые феномены в понятиях старой мыслительной традиции (123). Наконец, современная социология, признавая Маркса (наряду с М.Вебером и Э.Дюркгеймом) одним из основоположников теории социальной стратификации, в то же время указывает на факторы, препятствующие реализации его прогнозов в современном обществе. Ее представители, обосновывая либеральный идеал государства всеобщего благоденствия (Р.Дарендорф) или особый третий путь (А.Гидденс) по существу развивают те направления ревизии марксизма, которые проявились в западной социал-демократии еще на рубеже XIX—XX вв. Марксизм, с точки зрения современной социологической теории, выступает как одна из теорий социальной стратификации и социального конфликта на макроуровне (С.М. Липсет) (124).

Как мобилизационная идеология революционного движения марксизм оказался, по признанию всех его исследователей, гораздо более эффективным. «Итак, Маркс, — писал И.Берлин, — фактически создал новую, экуменическую организацию, некую антицерковь, с полным концептуальным аппаратом, способным, по крайней мере — в теории, дать ответы на все возникающие вопросы — общие и частные, исторические и натуралистические, моральные и эстетические». Это была Библия нового движения. Данная идеология носит чисто рационалистический характер: она опирается на констатацию объективных законов истории, действие которых неизбежно ведет к революционному кризису современного общества и уничтожению привилегированных классов. В этом смысле она прекрасно соответствует идеальной модели идеологии: отвергается единство человечества, констатируется разделение общества на непримиримые классы, предсказывается, что целые классы будут уничтожены во имя торжества справедливости, вводится неокальвинистское разделение людей на тех, которые могут спастись, и тех, которые неизбежно погибнут. «Идея

научно обоснованного разделения людей на добрых, которые смогут спастись, и дурных, которые спастись заведомо не смогут, стала поворотным пунктом истории» (125). К числу важнейших характеристик марксизма как идеологии относятся тезис о тождестве мысли и действия; теория классовой борьбы, раскалывающей общество; специфическое соединение научного и романтического взглядов на мир; апокалиптическое видение будущего; идея страдания, борьбы и спасения избранных; четкая и простая теория социального действия.

Раскол в марксизме на правых и левых — социал-демократов и коммунистов — стал следствием социального кризиса рубежа XIX—XX вв. Как идеология социальных преобразований, ставшая доминирующим фактором в организованном рабочем движении уже в конце XIX в., марксизм (теория исторического материализма) получил собственную внутреннюю логику развития, связанную с выбором стратегии изменения общества. Процесс демократизации общества и рост влияния социалистического движения породили ожесточенную дискуссию сторонников постепенного и немедленного преобразования общества. В центре данной дискуссии была проблема соотношения реформы и революции. Окончательным завершением этих споров и их внешним выражением стал раскол социалистического движения на социал-демократов и коммунистов в условиях Первой мировой войны и русской революции. В дальнейшем одно из течений — социализма (или социал-реформизма) претерпевает различные идеологические модификации: сближается с либерализмом, пересматривая проблему соотношения решения социальных и политических вопросов (отказ от лозунга диктатуры пролетариата в некоторых ревизионистских течениях); с консерватизмом (например, в лассальянстве с его идеей сотрудничества рабочего движения и государства или христианском социализме, заявившем о себе как значительной силе в условиях послевоенной Европы и на современном этапе); с национализмом (когда социализм ограничен по линии пролетарского интернационализма). Этот последний феномен оказался особенно важен в период Первой мировой войны, когда встал вопрос о соотношении национальных и классовых ценностей.

Все эти дискуссии внутри социалистической части идеологического спектра современного общества имеют свои истоки в дебатах эпохи Второго Интернационала (1889—1914), которая определяется

иногда как «золотой век марксизма». Можно говорить об общей специфике интерпретации марксизма эпохи Второго Интернационала, которая соединяла философию, критику политической экономии и политические концепции в единое учение. Важнейшими представителями данного этапа популяризации и распространения марксизма были К.Каутский, Ф.Меринг, Г.В.Плеханов и А.Лабриола. Однако уже в этот период, и особенно к его завершению, в марксизме появились различные течения: ортодоксальный марксистский центр представлен К.Каутским, ревизионизм — Э.Бернштейном, а левые радикалы — Р.Люксембург. В противоположность ортодоксальной и леворадикальной интерпретации марксизма как двум крайностям социал-реформизм выдвинул стратегию постепенных реформ существующего общества в целях избежания социальной революции. Данное направление, представленное прежде всего Э.Бернштейном и другими представителями «ревизионизма», создало теоретическую основу современной социал-демократии. Теоретическое обоснование этой концепции включало критику гегелевских оснований марксизма, его учения о прибавочной стоимости и социологических выводов. Особое направление критики (Давид и Фольмар) поставило под сомнение принципы политической экономии марксизма применительно к сфере аграрных реформ. Теоретики реформизма показали, что общество после Маркса развивалось в направлении не упрощения, а усложнения социальной структуры, появления широкого среднего класса, ставшего основой демократических институтов, перехода от абсолютизма к парламентским формам правления. Наряду с этим следует упомянуть так называемый австромарксизм — течение, выступавшее за пересмотр основных категорий марксизма с позиций неокантианской философии познания. На основе неокантианской теории познания австромарксизм (М.Адлер, О.Бауэр, Р.Гильфердинг, К.Реннер, Ф.Адлер) выступил за переосмысление социологических законов марксизма. Это течение внесло определенный вклад в разработку теории общественного познания (М.Адлер), национального вопроса (К.Реннер, О.Бауэр) и теории стоимости (Э.Бем-Баверк). Существенным элементом критики ортодоксального марксизма стали моральные представления о социализме, исключая диктатуру и подавление личности, свойственные, например, Ж.Жоресу (126). В них можно увидеть прообраз последующих идей «социализма с человеческим ли-

цом». Напротив, особое деструктивное практическое значение имели выводы по национальному вопросу О.Бауэра — определение нации как культурного единства, возникающего на основе общности судеб (способствовавшие распаду многонациональных империй) (127) и концепция финансового капитала Р.Гильфердинга, радикальная интерпретация которой была положена Лениным в основу теории империализма и вывода о создании предпосылок социалистической революции (128). Марксизм как идеология достиг наибольшего международного распространения в эпоху Первой мировой войны, русской революции и раскола внутри социалистического движения, приведшего к образованию Третьего интернационала (1918) (129). Центральной проблемой при этом оказался вопрос об отношении к большевистской стратегии революции и так называемой «диктатуре пролетариата».

Концепция революционной диктатуры — один из наиболее спорных вопросов марксистской политической мысли. В сочинениях Маркса и Энгельса теория государственной власти вообще и диктатуры в частности представлена крайне фрагментарно. Маркс, как полагают современные исследователи его взглядов (Л.Колаковский), разрабатывая этот вопрос после революции 1848 г., отнюдь не ставил под сомнение демократическое государственное устройство, но рассматривал его как необходимый компонент народного правления. Даже используя дважды понятие «диктатуры пролетариата» (впрочем, без конкретных пояснений) в «Критике Готской программы», он понимал его в смысле утверждения классового характера власти, но отнюдь не в смысле реальной формы политического правления. Интерпретацию «диктатуры пролетариата» именно в последнем смысле (как формы правления, основанной на неограниченной, диктаторской, власти революционного государства и партийного авангарда) дал В.И. Ленин в ходе русской революции, причем вывел из нее целую теорию необходимости ликвидации демократических институтов в переходный период. Поэтому исторически реализовавшийся социализм или деспотический социализм должен рассматриваться не столько как воплощение пророчеств Маркса, сколько как результат их практической интерпретации ленинизмом и сталинизмом. Официальная советская идеология использовала неопределенность понятия диктатуры пролетариата, наполняя его различным политическим со-

держанием в периоды усиления репрессий или ограниченной либерализации режима. В первом случае акцент делался на функции подавления классового врага, во втором — на «отмирании» этой функции диктатуры и ее «перерастании» в «общенародное государство» по мере расширения так называемой «социалистической демократии» (130). До настоящего времени сторонники социалистических воззрений спорят о том, в какой степени ленинская интерпретация классовой борьбы и диктатуры вытекает из марксизма и в какой, напротив, выражает внутреннюю логику развития всякого радикального революционного кризиса. Сторонники либеральной интерпретации марксизма, стремящиеся спасти это учение в условиях кризиса реального социализма, подчеркивают, что учение не виновато в том практическом применении, которое ему было дано большевиками и что из него могут быть выведены другие модели социализма (обычно не уточняют какие именно).

Эти современные дискуссии заставляют вспомнить аргументацию противников ленинской интерпретации диктатуры в международном социалистическом движении — Г.В. Плеханова, К.Каутского и Р.Люксембург. Первый из них выступил с развернутой критикой реализации коммунистического эксперимента в России, подчеркнув объективную неготовность страны к этому и обвинив большевиков в стремлении к узурпации власти и установлению бонапартистского режима (131). Русские теоретики марксизма (Плеханов, Аксельрод и др.) ранее допускали решающую роль пролетариата в буржуазной революции, однако, подчеркивали, что она объективно может завершиться лишь созданием общества буржуазного типа. Попытки создания в неподготовленной стране социалистического общества с помощью террора и подавления могут привести лишь к установлению полицейского режима, т.е. не пролетарской, а вполне обычной диктатуры. Тем самым в центре их критики оказывались теории «перерастания» или «перманентной революции», но прежде всего ленинская концепция диктатуры.

В ходе русской революции марксистской концепции диктатуры была противопоставлена ленинская, понимавшая ее как буквальное осуществление диктатуры победившей партией. Это был путь к тоталитарному режиму (132). Данная тенденция вызвала раскол в социалистическом движении, критику ленинизма как правыми, так и левыми социалистами. Эта критика важна тем, что в ней пророчески

указывались объективные результаты коммунистической революции, а также намечены некоторые направления последующей критики реального социализма. Социалистические критики Ленина упрекали его за стремление поставить партию над рабочим классом и бланкизм. Все они (Плеханов, Каутский, Люксембург и Мартов) исходили при этом из пригодности европейской модели революции для России. Поэтому все, что делали большевики, рассматривалось как отступление от этой модели. В результате в западной социал-демократии стал возможен спор о том, является ли ленинизм органичным продолжением марксизма или представляет особое явление (ревизионизм). Ретроспективная оценка ленинизма позволяет констатировать, что его сила заключалась не столько в новых теоретических обобщениях, сколько в создании особого механизма власти и лидерства — революционной элиты, имеющей инстинкт и волю к власти. Вопрос об отношении теории марксизма и ее последующей трактовки ленинизмом показывает как преемственность, так и ее разрыв, связанный с модификацией ряда ортодоксальных формул в новых условиях. Ленин, по мнению Колаковского, не только был марксистом, но и развивал марксизм практически и во многих отношениях даже последовательнее, чем другие, убедительно показав преемственность ленинизма по отношению к марксизму. Однако проблема имеет и другую сторону: мог ли общественный идеал бесклассового общества, созданный в рамках марксистской утопии, вообще реализоваться в какой-либо иной форме кроме ленинизма? Действительно, революции, вдохновленные социалистическими принципами, имели успех только в отсталых странах, в соединении с национализмом. Ленин отошел от классического марксизма. События 1917 г. в России произошли не столько в рамках, сколько вопреки классическому марксизму (о чем писали Г.Плеханов, К.Каутский и Р.Люксембург). Это была модель революционной теории 1848—1850 гг., которая реализовалась не в развитых странах, а в отсталых, содержа в себе полубланкистскую революционную тактику, от которой сам Маркс позднее отказался в пользу более умеренного варианта перехода. Это учение очень близко логике перманентной революции: в экономически отсталых обществах, стоящих на доиндустриальной стадии развития, революционеры должны начать с сотрудничества с буржуазией, чтобы устранить экономическую отсталость и полуфеодализм; способствовать рождению буржуазной

демократической республики, которая приведет к легализации политических партий, а затем — осуществить свержение буржуазного правительства. Эта доктрина была реализована в России, Китае и на Балканах, в развивающихся странах.

Решение проблемы ленинизма как особой теории революционной модернизации традиционных обществ делает возможным сопоставление данной модификации марксизма с другими авторитарными идеологическими течениями, в частности, с фашизмом. Их объединяют не столько идеологические постулаты, сколько технология переворотов и обеспечения массовой социальной поддержки. Деятель международной социал-демократии Анжелика Балабанова была лично знакома как с Лениным, так и с Муссолини. Она оставила чрезвычайно ценные мемуары, доминирующей идеей которых стало сопоставление двух тоталитарных вождей, их воззрений на стратегию и тактику завоевания государства. Этот анализ стал возможен благодаря уникальной социологической подготовке, которую Балабанова получила в Свободном университете в Брюсселе, где она слушала лекции Г.Плеханова, М.Ковалевского, Э.Вандервельде, Элизе Реклю, а затем — политической практике, позволившей ей усвоить точку зрения других радикальных оппонентов большевизма, как, например, Роза Люксембург. Это дало возможность анализа сходных тенденций в развитии таких двух внешне противоположных течений, как ранний итальянский фашизм и русский большевизм. Установление тоталитарных режимов в Италии и России рассматривалось ею как проявление кризиса социал-демократического движения, а потому наибольшее внимание она обращает именно на вопросы стратегии и тактики борьбы за власть, видя в них основную причину торжества правого и левого экстремизма. Не отождествляя эти два типа политической идеологии, она тем не менее вскрыла ряд существенных общих для них тенденций.

Проводя параллели между итальянским фашизмом и русским большевизмом, Балабанова анализирует последний по сходным параметрам, указывая прежде всего на качественную новизну ленинской концепции революционного переворота. Балабанова, внимательно наблюдавшая деятельность Ленина во время Циммервальдской конференции и затем в советской России, подчеркивает его внимание к проблемам тактики, которое казалось ей «чрезвычайно прямолинейным». Она размышляла о том, проистекает ли оно из свойственного ему одномерного пони-

мания мира или сознательного стремления к концентрации на отдельных проблемах. При этом она признает, что именно эта способность к концентрации и настойчивость, поставленные на службу одной цели, составляли секрет его успеха. Это свидетельство подтверждается и другими, например, Троцким в его воспоминаниях о Ленине. Оно выражает, несомненно, особое понимание тактики, воспитанное на чтении Клаузевица и выражающееся в стремлении к достижению максимального перевеса в критических ситуациях.

Ленинизм как идеология, несомненно, обладал принципиально новыми чертами по отношению к ортодоксальному марксизму эпохи Второго Интернационала. В.И. Ленин не выдвинул систематического переосмысления марксистской теоретической схемы, но вместо этого разрабатывал концепцию марксизма как теории пролетарской революции и занимался воплощением этой концепции в эффективной организации для осуществления политической стратегии. Ленинская концепция империализма исходит из идей Гобсона и Гильфердинга, но дает им более радикальную и революционную трактовку, а именно: капитализм вступил в стадию умирания; это создает лучшие условия для его свержения, но одновременно ведет к расколу рабочего движения между реформистской и революционными тенденциями, что требует институциональных усилий для укрепления революционных партий и борьбы с реформизмом. При обсуждении аграрного вопроса, сначала в России, а затем и в колониальных странах (Китае, Индии), Ленина интересовала не разработка теории крестьянства как социального класса в марксистском смысле, но анализ его революционного потенциала в отсталых странах и способы, которыми некоторые его части могут быть привлечены к политическому союзу с рабочим классом или, точнее, с революционной партией этого класса. Однако наиболее существенным вкладом Ленина в марксизм признается концепция партии (133). Она основана на различении рабочего класса, который, по его мнению, спонтанно никогда не достигнет большего, чем «трейд-юнионистское сознание» (т.е. занятие чисто экономическими требованиями), и революционного авангарда полностью классово-сознательных рабочих и интеллектуалов, которые привнесут социалистические идеи в движение рабочего класса извне и обеспечат лидерство всего движения угнетенных (как рабочих, так и крестьян) благодаря своей полной приверженности к революционно-

му марксизму и его организации как централизованной и дисциплинированной политической партии. Следовательно, ленинизм внес существенный самостоятельный вклад и в интерпретацию феномена идеологии (особенно в работе «Что делать?») (134).

Таким образом, ленинизм может рассматриваться как осмысление практического применения теории Маркса для осуществления революции. Тот вклад, который внес Ленин в развитие марксизма, состоял прежде всего в концепции роли партии в осуществлении революции. Другая важная модификация ортодоксального марксизма — воззрение ленинизма на крестьянство как союзника пролетариата для осуществления революции, наконец, третья — выяснение особенностей политической борьбы в условиях новой стадии развития капитализма — империализма. Все это позволяет с вниманием отнестись к неоднократно высказывавшемуся в литературе тезису о ленинизме как синтезе марксизма и народничества.

Ленинизм как доктрина и политическое движение в свою очередь аккумулировал различные другие идеологические ингредиенты. Среди них наибольшее значение имели те идеологические конструкции, которые выражали опыт революционных переворотов и утверждения марксистских режимов у власти в XX в. Если либеральные и христианские доктрины сближались с социализмом, то существовало и крайне левое течение в нем. Оно представлено теориями В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого — основателей большевизма и троцкизма, И.В. Сталина, а также такими специфическими версиями коммунизма, как маоизм и титоизм. Теорию перманентной революции, которая может быть признана оригинальным социологическим выводом в рамках марксистской теории, Троцкий разработал под влиянием Парвуса. Согласно этой концепции, буржуазная революция в России не могла стабилизироваться, но должна была развиваться по нарастающей и стать социалистической под неизбежным давлением пролетариата и крестьянства и дать импульс социалистической революции в Центральной и Западной Европе (135). Троцкизм, сталинизм, титоизм и маоизм — это те радикальные левые трактовки марксизма, которые опирались на ленинизм и развивали его. Вклад Троцкого определялся также критическим анализом сталинизма в работах о термидоре, бонапартизме и бюрократизме в советской системе (136). Попытка создания новой системы социологии на основе категорий исторического

материализма, предпринятая Н.И. Бухариным, выражала стремление к формализации и повышению научного потенциала ленинизма (137). Наконец, сталинизм в рамках концепции «социализма в одной стране» фактически выдвинул идеологию ускоренной и насильственной модернизации. «Одним словом, — пишет Колаковский, — ленинско-сталинская версия социализма была возможной интерпретацией марксистской концепции, хотя очевидно, что не единственно возможной» (138). Этот исследователь полагает, что реальный социализм ленинско-сталинского образца сильно исказил учение Маркса тем, что дал ему одностороннюю и жесткую классовую интерпретацию.

Сталинизм представлял собой важную новую модификацию как марксизма, так и ленинизма. Современные споры о социализме как идеологии не могут обойти темы сталинизма. Сталинизм в целом представляет собой достаточно закрытую систему, которая охватывает экономику, методы управления и идеологию; систему, которая в принципе была созвучна со своими целями и с точки зрения этих целей имела не много ошибок. Вопрос о том, до какой степени сталинизм есть продолжение ленинизма и марксизма в целом, длительное время являлся центральным для всех идеологических дискуссий. Многие авторы, которые писали по этой теме (включая Колаковского), придерживались мнения, что советская система, установленная при Сталине, была продолжением ленинизма и государства, политический и идеологический фундамент которого заложил Ленин. Они считают, далее, что то, что именуется «сталинизмом» (в узком смысле — существовавшая до 1953 г. система власти), не было устранено ни в одном важном пункте реформами послесталинского периода. В качестве идеологического противника Сталин фактически «сконструировал» троцкизм. Однако дискуссии о возможности построения социализма в одной стране или перспективах перманентной революции фактически являлись вопросом о выборе стратегии модернизации. В теоретическом отношении сталинизм много позаимствовал у своих идейных оппонентов — Троцкого, Преображенского и Бухарина, осуществляя форсированную индустриализацию за счет крестьянства, но в то же время выступая против идеи перманентной революции. Споры о стратегии модернизации российского общества в 20-е гг. XX в. выявили масштаб возможных позиций. В период нэпа эти дискуссии корректировались по линии соотношения идеологии и реальности.

Хотя крестьянство в это время еще не было огосударствлено, единственной активной силой была государственная бюрократия. Именно она была заинтересована в дальнейшем развитии «реального» социализма в смысле дальнейшего огосударствления общества. Ликвидация нэпа и принудительная коллективизация не были вызваны исторической необходимостью, но отвечали природе системы и соответствовали интересам ее наиболее инициативного элемента. Огосударствление экономики, проведенное с огромными издержками, привело к созданию бюрократической касты, которая стояла не только над обществом, но и в известном смысле над партийной идеологией. Марксистская фразеология, после очистки ее от элементов европеизации, была использована этим слоем для восстановления и укрепления имперской государственности. Советская система вела постоянную войну против собственного общества, но не потому, что из него исходили важные силы сопротивления, а потому, что военное состояние и агрессия были необходимы господствующему слою для удержания своих позиций. Это объясняет постоянный террор, поиск врагов, соединение идеологии с византийской государственной традицией (139).

Природа сталинизма стала объектом споров начиная с его формирования и особенно в период после XX съезда КПСС. Существенный вклад в ее интерпретацию внесли западные левые интеллектуалы, разделявшие первоначально философию марксизма, но отказавшиеся принять ту ее интерпретацию, которая была дана тоталитарным социализмом. Среди них следует назвать Дж.Оруэлла, создавшего знаменитую антиутопию в романе «1984» (140) и А.Кестлера, разоблачившего сталинские политические процессы в романе «Слепящая мгла» (141). Кестлер, выступавший в начале своей литературной и журналистской деятельности как убежденный сторонник Коммунистического Интернационала (особенно в период гражданской войны в Испании), позднее резко критиковал СССР, называя его в интервью различным изданиям («Combat», «Litteraire») «самой реакционной великой державой нашего времени». В этом отношении его политическая эволюция напоминала А.Жида, Дж.Оруэлла и многих других западных радикалов. В серии статей, опубликованных в журнале «Сопротивление» («Resistance») под названием «Изнанка советского могущества», он осуждал «чудовищный прагматизм, определяющий политику Советской

России», ведущий к подмене государственного разума принципами элементарной целесообразности. Он называл эту ситуацию «соединением Маркса с Макиавелли». Существо политической и философской мысли Кестлера представлено в его интервью в «Litteraire» (от 2 ноября 1946 г.). Он говорил о ненависти к сталинской системе, как ранее к гитлеровской и по тем же причинам: «я социалист и ненавижу тиранию». Если ранее, на протяжении двадцати лет, он верил в национализацию как необходимое и достаточное условие социализма, то впоследствии обнаружил, что «национализированная экономика может служить базой тиранической, автократической, тоталитарной, даже фашистской политической структуры». Он определял Советский строй как экономически прогрессивный, но во всех других отношениях крайне реакционный. В культурном и политическом отношении режим пребывает в состоянии регресса к «положению, предшествовавшему взятию Бастилии». Характеризуя тотальное подавление общественной инициативы и всевластие бюрократии в сталинском режиме, он заключал: «Мы находимся между капиталистической Сциллой, тоталитарной и псевдо-социалистической Харибдой» (142). Таким образом, различные мыслители, причем независимо от своей первоначальной политической ориентации — большевистской (Троцкий), социалистической (как Балабанова), коммунистической (Кестлер) — были едины в признании существенного сходства идеологии и, особенно, механизма власти в тоталитарных режимах XX в.

Сталинистский социализм предстает в современной литературе как имперская идеология, содержание и функции которой в обществе соответствуют поставленным задачам легитимации режима. Ее основные постулаты: новое государство соответствует первому этапу мировой революции, оно есть выражение интересов трудящихся и прежде всего рабочих. От этой идеологии система никак не могла отказаться и создала, наряду с силовыми и карательными структурами, специальный идеологический аппарат. Это не означает, что действительная политика советского государства определялась идеологическими основаниями. Идеология, однако, должна была обосновывать эту политику. Идеология была встроена в данную систему и играла в ней совершенно другую роль, нежели в системах, легитимирующие основания которых коренятся в выборах или монархической харизме. Советская система объективно тяготела к тоталитаризму, идеологичес-

кие отклонения для нее были смертельно опасны, и она, как показал опыт, не поддавалась реформированию. Марксизм-ленинизм и сталинизм как его продолжение выступают как особый тип государственной идеологии. Характерной чертой этой идеологии, которая выражала интересы господствующих слоев тоталитарного государства, была совершенная неподвижность (окаменелость), соединенная с поразительной пластичностью. Эти две особенности, кажущиеся противоречащими друг другу, на практике прекрасно соотносились друг с другом. Идеология была неподвижна, катехизирована, сведена к собранию неизменных формул. Однако содержание этих формул было настолько туманным, что произвольная политика государства при всех своих изменениях оставалась в соответствии с ними. Парадоксальным результатом этого функционирования советского марксизма была его частичная самоликвидация во время Второй мировой войны, когда национально-патриотические мотивы возобладали над идеологией классового братства и интернационализма.

Коммунистический эксперимент (в странах так называемого реального социализма) предложил, как известно, своеобразную трактовку гражданского общества. Данная модель гражданского общества отказалась от его интерпретации как правового равенства и индивидуализма, связанного с частной собственностью и развитой системой политических прав (основанных на идеологии индивидуальных свобод, парламентской демократии и многопартийной системы). Эта модель признавала лишь некоторые аспекты гражданского общества — социальные права и политические обязанности, необходимые в процессе индустриального развития, всеобщей грамотности и принятия элементов мобилизационной идеологической культуры. Таким образом, коммунистическая модернизация предложила свою (чисто политическую) концепцию гражданства, интерпретировавшегося в категориях не столько частного права, сколько публичного права. Слияние частного и публичного права, власти и собственности было неотъемлемой чертой тоталитаризма, а позднее реального социализма. В странах с огосударствленной плановой экономикой, как показывает опыт реализации данной модели на всех континентах, бюрократия является единственной активной общественной силой. Это делало центральным вопрос о социальной природе правящей элиты советского общества и нового класса. Он был поставлен еще в ходе

осуществления революции, когда объектом критики становилась преобладающая роль так называемой партийной интеллигенции. В дальнейшем ключевые этапы дискуссии представлены понятиями бюрократии (Троцкого), индустриальных менеджеров (Дж.Бернхейм) (143), нового класса (М.Джиласа) (144). Критики реального социализма советского образца (особенно в период сталинизма) говорили о возникновении новой общественной формации, которая рядом принципиальных черт напоминает восточные деспотии древности (К.Виттфогель) (145), порождая соответствующий правящий класс, который определялся как аналог азиатской бюрократии, феодальных лордов, капиталистических колонизаторов в отсталых странах. Положение этого класса определялось доселе невиданной в Европе концентрацией экономической, политической и военной власти, а также необходимостью идеологической легитимации его господства. Марксизм оказывался тем харизматическим ореолом, который окутывал этот класс, чтобы обосновать его власть.

В ходе идеологической борьбы XX в., который поэтому получил название «века идеологий», важным направлением дискуссий о марксизме и фашизме стало осмысление их вклада в создание тоталитарных политических режимов. Уже в период становления этих режимов мыслящие современники констатировали, что при всех отличиях эти две идеологии, а тем более созданные на их основе режимы, имеют много сходства, более того их нельзя представить изолированными друг от друга в истории. Большевизм и фашизм были вызваны к жизни войной, следовали друг за другом, стимулировали друг друга, имитировали и боролись друг с другом. Европа до войны уже имела опыт борьбы с социальным террором (например, Парижская Коммуна), но фашизм был беспрецедентным явлением. Взаимное влияние двух идеологий отмечалось наблюдателями: ленинизм (и вообще опыт Октябрьского переворота 1917 г.) стремился имитировать Муссолини. Гитлеризм выступал как синтез фашизма и сталинского коммунизма. Сходство этих режимов со сталинизмом и использование ими тактики большевиков подчеркивал Л.Д. Троцкий. Фашизм и коммунизм представляли как две стратегии выхода из одного кризиса. Фашизм родился не только для того, чтобы остановить большевизм, но и для того, чтобы навсегда разбить буржуазный мир. Две идеологии имели разную социальную опору — нацию или класс, но преследовали объективно

сходные цели и действовали сходными методами. На это указал К. Малапарте в своем известном исследовании о технике государственных переворотов в межвоенной Европе (146). Фашизм выступал не только как стихийный порыв, но и как доктрина, стратегия, более того — осознанная воля к власти. В этом желании переустроить мир и создать нового человека он сходится с ленинизмом и якобинством. В этом смысле все эти идеологии оказалось целесообразным интерпретировать с помощью идеального типа тоталитаризма (понятие, использовавшееся уже в литературе 20-х гг., в том числе в русской эмигрантской литературе). Собственно говоря, концепция тоталитаризма была четко сформулирована в послевоенный период (особенно в книге Х.Арендт) на основе сопоставления двух типов тоталитаризма — коммунизма и фашизма. Дискуссия об их историческом соотношении, взаимном влиянии, сходных чертах и различиях породила большую литературу в период Холодной войны, которую здесь не место рассматривать (147). Новое содержание эти споры приобрели на исходе XX в., когда выяснилась нежизнеспособность системы реального социализма. Коммунизм (во всяком случае его реальное воплощение) и фашизм — две важнейших утопических идеологии XX в. — были признаны в глобальной исторической перспективе не шагом вперед, а срывом социального развития. Идея исторической необходимости достигла, как казалось, своего наивысшего выражения в столкновении фашизма и коммунизма: Вторая мировая война оказалась арбитром в споре этих идеологий, претендовавших на то, чтобы наследовать буржуазной демократии — сил реакции и прогресса, прошлого и будущего. Однако это представление окончилось с прекращением существования обоих претендентов на всемирное господство. Они оказались лишь краткими эпизодами мировой истории. Будучи порождены демократией, они уступили ей дорогу. В них, как стало ясно в исторической ретроспективе, не было ничего неизбежного, и история XX в., как и предыдущего, могла пойти по-другому. Противники исторического детерминизма (например, К.Поппер) специально подчеркнули этот теоретический вывод: в истории, согласно их воззрению, нет ничего необходимого и достичь свободы можно, преодолев мифы (148). К их числу относятся революционные мифы, которые особенно опасны тем, что не доступны критическому опровержению. Так, миф Французской революции оказал влияние на происхождение русской революции, которая проходила

в другое время и в совершенно иных социальных условиях. Напротив, русская революция на Западе стала восприниматься затем как продолжение Французской и стимулировать тот же миф в других странах мира. Из русской революции западная интеллигенция создала миф, который не соответствовал действительности, но являлся фактором идейной борьбы на Западе. С концом Холодной войны и распадом Советского Союза иллюзия рассеялась: была исключена возможность какого-то будущего совершенного общества и выяснилось, что есть только это, существующее, общество, со всеми его противоречиями. Идеалом является либеральная демократия, поскольку она позволяет понять и преодолеть эти противоречия, не прибегая к утопии (149). Популярный тезис о «конце идеологий» означал лишь то, что с крушением коммунизма как последней тоталитарной идеологии, не существует более препятствия для принятия обществом принципов либерализма как единых общечеловеческих ценностей. Несмотря на свой преувеличенный оптимизм, данный вывод, безусловно, выражал переломный этап в идеологическом развитии Европы и мира и в то же время констатировал ситуацию социальных ожиданий — создания своего рода всемирного гражданского общества, которое не будет в будущем расколото по линии непримиримых идеологий.

Историческая судьба марксизма при всей своей уникальности имеет, как было показано, сходство с другими крупными идеологиями. Став доминирующей идеологией социалистического направления, марксизм оказался не только объектом критики со стороны его противников, но и предметом совершенно различных (даже противоположных) трактовок. Тот факт, что вдохновленные марксизмом революции, вопреки его прогнозу, происходили не в развитых, а отсталых странах, привел к интенсивным поискам новых интерпретаций марксизма. Одно направление этих поисков было связано с так называемой гуманистической интерпретацией марксизма (путем развития концепции отчуждения и пр.), другое, напротив, видело в марксизме скорее технологию осуществления революции и давало ему более прагматическую интерпретацию. В связи с этим предметом острых дискуссий, как было отмечено выше, становились основные работы Маркса, прежде всего вновь найденные «Экономико-философские рукописи» молодого Маркса, такие произведения, как «Предисловие к критике политической экономии», «Немецкая идеология», «Капитал»,

схоластические споры о которых выражают не столько научный интерес, сколько идеологическую позицию их авторов. В современном мире до последнего времени насчитывались десятки видов марксизма, а самому Марксу приписывают афористичную фразу о том, что он не марксист. Здесь достаточно указать на некоторые основные модификации классического марксизма послевоенного периода (по трем параметрам — теория, массовое движение и система коммуникаций масс и лидеров).

Марксистская философия и концепция коммунистической революции означала качественный этап в создании социалистической и коммунистической идеологии нового и новейшего времени. Внимательное обращение к марксизму (как совокупности трудов и идей Маркса и Энгельса) делает необходимым различать в нем, собственно, две составляющих — теорию, призванную объяснить историю, с одной стороны, и политическую идеологию, с другой. Теория Маркса, которая не может быть признана верной с точки зрения современных научных представлений и современного исторического опыта, опиралась в то же время на вполне рациональный научный анализ и несомненно дала мощный импульс последующему развитию всех наук об обществе. Современная теоретическая социология признает вклад марксизма в создание теории глобального социального конфликта, факторов социального развития, социальной стратификации, рассматривает ее как одну из основополагающих для понимания социального развития. Данная научная теория не имеет прямого отношения к последующей социальной практике, связанной с марксизмом-ленинизмом, который представлял собой уже идеологию в чистом виде (в смысле «ложного сознания»). Эта тенденция была доведена до логического конца в период сталинизма, когда марксизм стал официальной государственной идеологией тоталитарного режима. В этом втором понимании марксизм выполнял уже, в сущности, религиозную функцию, и его воздействие имело религиозный характер. В то же время он представлял собой карикатуру на религию, стремясь представить свой символ веры (коммунизм) как научное достижение. Он выступал, следовательно, как фальшивая вера, пародия на подлинное религиозное сознание (150). Тот факт, что марксизм представлял в истории мысли феномен, соединявший науку и идеологию, обусловил специфику последующих споров о его содержании, которые на-

поминают средневековые схоластические дискуссии о символе веры, но при этом используют, подчас, вполне рациональные научные аргументы. Вклад марксизма-ленинизма как идеологии коммунистического движения определяется именно этим квази-религиозным характером данного учения, которое объясняет все, дает ответы на все вопросы, вводит свою систему святых и мучеников, злодеев и ересиархов, священные тексты, культ и проч. Коммунизм при таком его понимании — самая утопическая из всех современных идеологий. Это открывает возможность самых разнообразных его интерпретаций, а также пониманий его смысла и путей его достижения. Мы видели, что ключевой фазой развития социализма стал раскол на рубеже XIX—XX вв., приведший к формированию противоположных тенденций социал-реформизма (основы современной социал-демократии) и революционной трактовки (коммунизма в его большевистской интерпретации). Коммунистическая революция в России, осуществившаяся вопреки прогнозу Маркса, создала новую парадигму общественного развития и, одновременно, новую трактовку основных положений марксизма. Марксизм-ленинизм — тоталитарная идеология, включавшая стратегию и тактику революции в аграрных странах. Подобно другим тоталитарным идеологиям XX в. марксизм-ленинизм (и особенно такие его модификации, как сталинизм, маоизм, троцкизм) стремился переделать общество во имя абстрактного и утопического социального идеала. Этим определяется, с одной стороны, широкая социальная база данной идеологии (поскольку она апеллирует не к разуму, но к темным инстинктам примитивных толп, обещая рай на земле) и, с другой, крайне деструктивный характер воздействия данной идеологии на общество (столетие конфронтации и миллионы жертв). Марксизм — идеология разрушения, которая прекрасно умеет делать это, но не созидания. Марксизм не выработал конструктивной стратегии достижения коммунизма, который остается утопическим идеалом для тех, кто верит в возможность его практического осуществления.

Анархизм. Анархизм — крайне аморфное идеологическое течение, включающее очень разных представителей. В отличие от сторонников целенаправленной социальной инженерии, осуществляемой по единому рациональному плану, они объединены верой в способность

общества к спонтанной самоорганизации или саморегуляции, осуществляемой без какого-либо контроля извне. Идеология анархизма исходит из того, что именно таким путем может сложиться общественная система самоуправления (в виде общественных ассоциаций), которая окажется способной решать социальные проблемы. Анархисты приветствуют поэтому все, что направлено против принуждения, регулирования и иерархии, видя в них источник потенциального неравенства, эксплуатации и конфликтов. Они отстаивают, напротив, принципы автономии, федерализма и братства, критикуют институты государственного принуждения — бюрократию, армию, полицию. Родственной социализму и коммунизму является идеология такой разновидности анархизма, которая может быть определена общим понятием «неиндивидуалистического» (У.Годвин, П.Прудон, Э.Реклю, М.Бакунин, П.Кропоткин): она разделяет с коммунизмом представление о цели социальных преобразований — построении бесклассового общества, где будет реализован утопический идеал преодоления социального неравенства и эксплуатации (151). Анархия в переводе с греческого — отсутствие власти или вождя. В различных утопиях — состояние общества без государства, безвластие. С точки зрения либералов, анархия — антитеза гражданскому обществу. Анархизм действительно служит постоянной корректировке окостенению бюрократических структур и в этом качестве может являться одним из элементов плюралистического общества, идеологией той его части, которая стремится преодолеть сложившиеся структуры, монопольные центры власти и информации. С этим связана и определенная цикличность обращения общественного мнения к принципам анархизма, которая говорит по меньшей мере об определенной актуализации компонентов этой идеологии в условиях революций, реформ и вообще радикальных социальных изменений.

Сходство анархизма с коммунизмом прослеживается и в концепции разрешения социального конфликта: он преодолевается в ходе социальной революции, которая должна уничтожить гражданское общество (подразумевающее социальное неравенство), государство и право (как орудие классового господства). Рынок и государство должны быть заменены федерацией самоуправляющихся коммун — специальный термин анархической идеологической программы, означающий создание своеобразных ассоциаций индивидов, основанных на принципах само-

управления. Современная социально-историческая типология анархизма включает амбивалентность его по таким направлениям, как соотношение архаичного и индустриального общества, противоречия между городом и деревней, между революцией и реакцией (152).

В соответствии с тем, какой принцип положен в основу организации анархистов и на какие социальные слои они ориентированы, различают разновидности самого анархизма: два старых типа — аграрный и ремесленный и два более современных типа — синдикалистский и интеллигентский. Аграрный анархизм апеллирует к традициям сельской общины, нравственной и религиозной чистоте. Социальная неустроенность мелких крестьян и сельских рабочих, аграрный протест против полицейских и бюрократических мер местного и центрального правительства создает, по мнению исследователей данного феномена, основу принятия идей общинной собственности, артелей и децентрализованно-федеративных политических структур. Исторически аграрный анархизм получил распространение прежде всего в Испании, Италии, России и на Украине (движение Н.Махно). Ремесленный анархизм опирается на протест цеховых ремесленников против поддерживаемой государством крупной индустрии, которая лишает их работы. Наряду с этими традиционными типами выделяются более новые: синдикалистский анархизм — протест против усиления интенсивности работы и отчуждения в современном промышленном предприятии (его формы — бойкот, саботаж, демонстрации, всеобщая стачка). Анархосиндикализм как форма социальной мобилизации получил особенно значительное распространение в Испании, Франции, а также России в период революции 1917—1920 гг. Интеллигентский анархизм имеет своей базой деклассированных интеллектуалов в городах — богему и выражает себя в основном в произведениях литературы и искусства. Поэтому он носит скорее литературный характер. Если коллективистские трактовки анархизма делают акцент на массовое социальное действие (например, проведение генеральной стачки), то индивидуалистические формы анархизма отказываются от признания даже этих форм организации. Они подчеркивают исключительное значение индивидуального действия, основной формой которого часто являлся терроризм. Теоретическое обоснование анархизмом индивидуального террора стало настоящим бедствием для отсталых аграрных обществ, радикальная революционная интеллиген-

ция которых видела в террористических актах основной способ дестабилизации режимов и стимулирования коммунистической революции (как форма пропаганды действием).

Различие социализма и анархизма усматривается скорее в средствах достижения этой цели: если социалисты считают необходимым переходный период диктатуры пролетариата, то анархисты допускают возможность непосредственной замены рыночных отношений и государства федерацией самоуправляющихся коммун или так называемых «свободных ассоциаций», выражающих в концентрированном виде руссоистский идеал народной воли и непосредственной демократии. Прудон первым определил свои взгляды как анархизм. Затем решающее значение приобрел спор Бакунина и Маркса, приведший к расколу Первого Интернационала. Кажется вполне очевидным, что Маркс понимал социализм не как деспотическое господство, при котором политический аппарат обеспечит свои привилегии путем установления монополии на управление средствами производства. Тем не менее, М.Бакунин поставил по этой проблеме вопросы, на которые Маркс не смог найти ответа. Можно сказать, что Бакунин стал первым, кто вывел дедуктивным путем ленинизм из марксизма. В знаменитой полемике Маркса и Бакунина эпохи Первого Интернационала Маркс оказался сильнее в экономических вопросах (в частности, тезис о том, что сохранение независимости всех производственных товариществ неизбежно приведет к восстановлению законов рыночной экономики с катастрофическими последствиями для революции), а Бакунин — в политических (особенно его критика этатизма). Бакунин критиковал марксистский централизм, планирование и бюрократию, вытекающую отсюда возможность создания новой системы привилегий. Эти теоретические разногласия провели четкую границу между коммунистической и анархистской идеологией, которая затем лишь углублялась в силу как идейной, так и психологической несовместимости основателей двух идеологий (153).

В полемике Бакунина и Маркса по вопросу о государстве была поставлена проблема, решение которой так и не было найдено в рамках этих идеологий. Выступая за рациональный и планомерный характер социальных изменений, марксизм и особенно различные последующие более радикальные его модификации, как было показано, чрезвычайно сдержанно относились к спонтанности в любых формах, решающее

значение придавалось государственному регулированию, следствием чего явилась тотальная бюрократизация марксистских режимов. В свою очередь анархизм, отстаивая спонтанную саморегуляцию как основной метод социальных (в том числе и революционных) преобразований, видел в государстве и бюрократии главное препятствие для реализации коммунистического идеала (154). Если в первом случае следствием становилась гиперцентрализация и бюрократизация, то во втором — потеря рычагов управления ситуацией, а в конечном счете — полное политическое фиаско в ходе всех крупных социальных конфликтов, в которых принимали участие анархисты.

Критики анархизма еще на рубеже XIX—XX вв. вскрыли основное противоречие доктрины. Она унаследовала от французского просвещения представление об исключительно рациональной природе человека. Это альтруистическое представление о человечестве исходит из того, что люди всегда поступают рационально в том случае, если они понимают логику происходящего. Именно эта концепция рациональности человеческой природы позволяет обосновывать преимущества спонтанности социальных изменений, взаимной помощи перед конфронтацией. Теория анархизма, однако, не разработала проблемы соотношения рационального и иррационального в природе человека, а также не нашла ответа на вопрос о причинах деструктивности и агрессивности человеческого поведения. Дело в том, что социальные движения вообще и революционные движения периода перехода к массовому обществу начинались не столько в связи с рациональными научными постулатами или приверженностью определенной идеологии, сколько в результате эмоциональных и иррациональных действий масс. Уже в ходе анализа Французской революции такие мыслители, как И.Тэн и А.Токвиль показали опасность неконтролируемого движения к демократии в условиях распада старого сословного строя. Г.Лебонн и Г.Тард специально сформулировали проблему психологии толп. Э.Дюркгейм, З.Фрейд и социологическая теория психоанализа продемонстрировали объективную природу человеческой агрессивности и видели в праве и государстве необходимые факторы цивилизации. Наконец, Х.Ортега-и-Гассет, наблюдавший феномен «революции масс» в 30-е гг. XX в., указал на огромные цивилизационные издержки спонтанного и неконтролируемого вовлечения неподготовленных масс людей в политику. Это направление

мысли, определяемое в настоящее время как теория «массового общества», говорит о непредсказуемости массовой психологии и поведения, особенно в условиях кризисов, выдвигает тезис об иррациональности политики. Иррациональность психологии и поведения масс, согласно данному подходу, — ключ к объяснению их роли в кризисных ситуациях социальных потрясений и по отношению к власти (как это продемонстрировал впервые бонапартизм, установивший свое господство на внеидеологической, чисто прагматической основе). Идея о женской природе толпы, выдвинутая Г.Лебоном, объясняет склонность масс к примитивным идеям и сильным лидерам (155). Толпа, масса — это «социальное животное, которое оборвало привязывавший его повод». В толпе растворяются социальные, культурные различия и перегородки: она становится единым социальным целым, аккумулирующим волю индивидов к действию, воплощающему их социальные мечты. Это слепая сила, способная снести любые препятствия для достижения собственных целей, жестоких или героических. В ходе революций (таких как французская, русская и китайская) толпа может в одно мгновение уничтожить достижения целых столетий. Ошибкой демократических режимов и причиной их кризисов в XX в. было то, что они сохраняли веру в возможность рационального политического планирования, но не обращали внимания на иррациональность масс как психическую реальность. Иррациональное поведение присуще как революциям, так и контрреволюциям (156). Все эти наблюдения, сделанные на основании эмпирических исследований поведения больших групп людей в ходе революций или в тоталитарных режимах, ставят под сомнения основной исходный тезис анархизма, демонстрируя его неадекватность социальной и психологической реальности общества.

Нельзя сказать, однако, что наивность этого представления и сила аргументов его критиков помешали его распространению в качестве постулатов различных революционных идеологий и партийных программ. Общим для них всех стала чрезвычайно опасная и разрушительная идея о возможности и даже желательности разрушения общества и государства без четкого представления о том, что будет после этого. Это «веселое разрушение культуры» опиралось прежде всего на анархистский идеал самоуправляющейся коммуны. Другой важный постулат данной идеологии, также получивший распространение в

программах революционных партий, выражался в требовании отмены права и государства, что на практике привело к произволу и самосудам, фактически линчеванию толпой без суда «врагов народа». Отметим, что эти эксцессы были свойственны в равной мере парижским санкюлотам, революционным матросам Петрограда и китайским студентам в период Великой культурной революции. Разумеется, они опирались не столько на теоретические постулаты, сколько имели свой источник в социальной психологии революционных толп, о которой писали Г.Лебон и П.А. Сорокин (см. его «Социологию революции» и «Дальнюю дорогу») (157). Тем не менее, идеология анархизма не только не противоречит такой ее интерпретации, но как было показано, даже открывает для нее широкое пространство, в котором может быть реализована подобная «пропаганда действием» — от динамитной войны в Мексике до индивидуального террора народовольцев в России, который плавно перешел в массовый террор большевиков (158).

В XX в. анархизм проявил себя как чрезвычайно деструктивное идеологическое течение в ходе так называемых аграрных революций. Дело в том, что идеал коммунизма, выдвигавшийся анархистами, был очень близок крестьянству, выражая его стремление вернуться к традиционным общинным порядкам, утраченным с развитием коммерческих отношений, а концепция спонтанного бунта как способа достижения социальной гармонии отвечала практике крестьянских восстаний во многих странах. Наконец, идея черного передела — уравнительного распределения земли — находила отклик у масс люмпенизированных слоев, лишь недавно утративших связь с сельскохозяйственным производством. Идеи Бакунина и русских народников стали обоснованием аграрных движений, имевших, по крайней мере на начальной фазе, анархистский характер. В основе конфликта — разрушение традиционного крестьянского уклада (основанного на незыблемости принципа принадлежности земли крестьянам) капиталистическими отношениями и коммерциализацией земли. Коммерциализация сопровождалась быстрым ростом крестьянского населения, так что возникало противоречие между числом людей и ресурсами. Таким образом, распространение принципов рыночной экономики также принуждало людей искать защиты против них. Они могли противостать этому, сохраняя приверженность своим традиционным

институтам, сильно подорванным деструктивными силами, которые они хотели нейтрализовать; или могли обратиться к поиску новых социальных форм, которые оказались бы способны их защитить. Крупнейшие революции XX в. (Мексика, Россия, Китай, Вьетнам, Алжир, Куба) можно понять как проявление такой оборонительной реакции, сопровождающейся поиском нового и более гуманного социального порядка. Однако движение капитализма породило еще другую и равно серьезную отдачу — в вопросе о власти. Оно означало размывание традиционных установлений (легитимности) прежних носителей власти — племенных вождей, мандаринов, земельной знати, помещиков, изменение их функционирования и статуса в обществе. Следствием становился кризис всей вертикали власти: разрушение существующего механизма власти при сохранении ее традиционных форм. Для подобных ситуаций переходных периодов было характерно появление новых групп, претендующих на власть, неустойчивый баланс старых и новых страт. В этих условиях возникала возможность политического лавирования.

Определенный интерес представляет столкновение принципиально различных стратегий в ходе революций. Представление анархистов об идеальном социальном устройстве заставляет их как в теории, так и на практике противостоять всем попыткам централизации власти и управления, тем более — осуществляемых авторитарными методами. В ходе всех крупных революций поэтому возникает ситуация раскола революционного авангарда по линии отношения к авторитарным и бюрократическим методам правления. В России этот раскол нашел выражение в Кронштадтском восстании, а также критике бюрократизации режима со стороны «рабочей оппозиции» (159).

Обозрение распространения идей анархизма во Франции, Англии, Америке, России и Испании не позволяет, однако, говорить о выраженной специфике концепционных моделей в разных странах, на существование которой можно было рассчитывать. Носители идей анархизма в разное время и в разных странах — Годвин, Джефферсон, Прудон, Дюринг, Э.Реклю, Кропоткин, Бакунин и др., — придерживались очень разных взглядов, а то, что их объединяет, — это стремление к освобождению общества от оков государства — бюрократии, полиции и вообще всякой иерархии. Трудно увидеть в этом, однако, конструктивную социальную программу. Поэтому различные направ-

ления анархизма определяются скорее своим негативным, протестным содержанием. Например, один из основателей философии анархизма, Макс Штирнер, первоначально являвшийся социалистом и сторонником социальной революции, в конечном счете отказался от этих идей, поскольку не без основания увидел в социализме авторитарное начало и тенденцию к этатизму и бюрократизации. В результате его символом веры стала индивидуальная инициатива; его целью — создание свободных ассоциаций, которые могут достичь целей, не превращаясь при этом в организацию, в общество; наконец, его методом стало прежде всего — «неповиновение» — индивидуальный и коллективный протест против власти. Этот идеал свободной жизни противопоставлялся жизни, контролируемой и организуемой «узурпаторами собственности».

Существует, тем не менее, несомненная специфика анархизма в развитых странах и модернизирующихся государствах. В таких странах, как Франция, Англия, США, Германия анархизм представляет собой феномен, интегрированный в человеческую эволюцию как непосредственный результат либерализма конца XVIII в., и, одновременно, форму обновления либеральной мысли, хотя и в масштабах, ограниченных по сравнению с XIX в.

В странах, где общая эволюция была отличной, анархистская мысль развивалась иным образом, была быстро дополнена с помощью имитации и, в этом случае, имела другой порядок развития. Эта специфика в развитии анархизма особенно характерна для Испании: конфигурация Иберийского полуострова не способствовала централизации власти, результатом чего стала большая склонность к федерализму, здесь не было (до XX в.) социальной революции, и феодальные отношения сохраняли силу, борьба с монархией шла длительное время и с переменным успехом. Такие теоретики анархизма, как Пийи-Маргалл, Мадзини, Карло Пизакане, Малатеста (160), не говоря о Бакунине и Кропоткине, выразили специфику анархизма в аграрных странах Юга Европы. Наибольшее значение для становления анархизма как самостоятельного идеологического течения имела полемика Бакунина с Марксом, приведшая, как известно, к расколу Первого Интернационала.

На современном этапе, когда в ходе революций XX в. стала очевидна бесперспективность идеологии анархизма для социального пе-

реустройства, она не может рассчитывать на широкую социальную поддержку. Однако ряд важных идей анархизма оказал влияние на аграрные революции XX в. и их идеологов во многих развивающихся странах. Известно, как это влияние сказалось в маоизме. Не менее сильным оно было в аграрных движениях, связанных с борьбой за национальное освобождение. Так, Ф.Фанон в своей известной книге «*Les damnés de la terre*» подчеркивал специфику Третьего мира (в частности Мартиники и Алжира, где он жил) по сравнению с Западом и настаивал на необходимости особой революционной стратегии, иной, чем та, которая представлена классическим марксизмом. При ближайшем рассмотрении его аргументы очень напоминают те, которые использовали русские теоретики народничества — Бакунин, Герцен и Чернышевский, обосновывая теорию крестьянской социалистической революции. Фанон вновь выдвинул сходные идеи — об отсутствии традиционных для Западной Европы классов в Африке, социальная структура которой определяется преобладанием крестьянского населения над городским, его (крестьянства) особом революционном потенциале (единственный революционный класс современного мира); большем обуржуазивании городского рабочего класса, утратившего в силу этого свои революционные возможности; важной и в то же время двойственной роли вождей и феодальных лидеров, которые, с одной стороны, связаны с колониализмом и поддерживаются им, а с другой — выступают за традиционное общество и пользуются моральным авторитетом у крестьянства; значении люмпенпролетариата как наиболее динамичного элемента революционного процесса и основного союзника крестьянства в городах; двойственном положении интеллектуалов, часть которых идет с массами, а другая с буржуазией; национальной буржуазии как посреднике интернационального капитализма и классе, объективно неспособном к исторической, а тем более революционной инициативе. Таким образом, выстраивалась концепция общества, где нет среднего класса и социальный конфликт носит наиболее острый характер, так как общество расколото фактически на крестьянство и привилегированное меньшинство, связанное с колониальными властями. Стабильность в нем поддерживается исключительно за счет насилия — вертикальных силовых структур государственной администрации, армии и полиции. Отсюда — основной тезис о характере будущей революции: она является

антиколониальной, социалистической (коммунистической) и осуществляется крестьянством и люмпенпролетарскими слоями городов насильственным путем (апология насилия в любых формах). По существу концепция Фанона — новое издание доктрины Бакунина и практики Народной Воли. Ее смысл — в инициировании анархического крестьянского бунта, способного ниспровергнуть современную цивилизацию. Здесь присутствует тот же культ революционности и насилия как «созидательной страсти», но одновременно — недоверие ко всем проявлениям организации и иерархии внутри движения.

Современный анархизм существует скорее в латентном состоянии, проявляясь время от времени в различных других формах или в союзе с другими идейными течениями. В подобных комбинациях анархизм присущ различным протестным движениям — молодежным, феминистическим, экологическим, представляя собой, по мнению некоторых исследователей, реакцию социальных групп на технокультуру и бюрократизацию общества (161). В этом качестве анархистская идеология и инспирированные ею программы на короткое время проявились в посткоммунистической России, быстро исчезнув с политической арены без всяких видимых последствий. В странах Западной Европы сохраняет определенные позиции интеллигентский, индивидуалистический анархизм, мода на который приводит иногда к весьма оригинальным социологическим построениям.

5. НАЦИОНАЛИЗМ, ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ НАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Национализм — это идеология, рассматривающая в качестве высшей ценности достижение единства и самоопределения нации. При этом все иные ценности, выдвигаемые другими идеологиями — политического, социального, экономического или духовного преобразования общества, оказываются подчиненными этой главной цели, принимаются или отвергаются постольку, поскольку могут служить этой главной цели или затрудняют ее достижение. Поэтому элементы теории и идеологии национализма возникают в период становления национальных государств (162).